

— Я сказала, что мне некуда идти, — дрожащим голосом продолжала Люй Цуйхуа, тревожно глядя на сестру, — но они... они сказали, что у меня ещё есть старшая сестра, значит, мне не совсем «некуда деваться».

— Пока живи у нас! — вновь твёрдо произнёс дядя Ян, выступая в роли главы семьи. — У нас не хватит еды на одного рта.

Раз он так сказал, значит, вопрос решён — Цуйхуа останется.

Она кивнула, и в этот момент громко заурчал живот — видно, несколько дней она почти ничего не ела. Лицо у неё было бледное, с землистым оттенком, губы пересохли. Вэнь Жуню стало её невыносимо жаль:

— Тогда я пойду, вы тут устраивайтесь.

— Ах... — тётушка Ян снова вытерла слёзы. — Пойду кашу варить.

— Сестра, я помогу! — засуетилась Цуйхуа, торопясь показать, что не будет сидеть без дела и есть чужой хлеб. Она боялась, что её сочтут обузой.

— Какое там «помогать»! В таком состоянии ты и в обморок можешь упасть. Сиди спокойно. Сегодня у нас на завтрак просо, кукурузные лепёшки и солёные утиные яйца — быстро сварю, — успокоила её сестра, а мужу велела позаботиться о детях, пока она готовит.

Вэнь Жунь неспешно вернулся домой. Все трое детей уже проснулись.

— Всё в порядке, — сразу сказал он, увидев, как малыши сидят, напуганные, будто испуганные птицы. — К нам приехала тётушка — младшая сестра тётушки Ян. Не бойтесь. Сегодня дам вам по два яйца на завтрак!

Услышав, что всё хорошо, дети немного успокоились и даже смогли доспать ещё немного.

Пока они спали, Вэнь Жунь поставил варить кашу и сварил сразу штук семь-восемь яиц. Куры сейчас неслись исправно. Да и вообще, поскольку все дети из Ляньхуаао учились у него грамоте, а он не брал с них «шусю» (традиционное вознаграждение учителю), родители и дети старались отблагодарить по-своему: дети приносили сухие дрова, а родители — корзинки яиц, пару крупных рыб, пойманных самими. Для деревенских жителей умение читать и писать казалось уже огромным благом.

Ведь даже если ребёнок позже пойдёт работать в городскую таверну, грамотный слуга получит больше жалованья, чем неграмотный.

К тому же среди его учеников не было никого старше четырнадцати лет: после четырнадцати детей уже считали взрослыми и отправляли вместе с родителями в поле.

А до четырнадцати лет мальчишки и девчонки всё равно работали: пасли свиней, собирали траву на корм, рубили дрова, носили воду, убирали дом.

Девочкам ещё приходилось учиться готовить и шить. Некоторые вышивали вещицы и продавали их, чтобы подзаработать для семьи.

Если у девушки была хорошая вышивка, за ней легко находили жениха. А уж если умела хорошо шить, могла устроиться в лавку тканей или в вышивальную мастерскую — там платили неплохо, да и работала в тепле, без дождя и ветра.

Пока Вэнь Жунь готовил завтрак, его мысли блуждали далеко. Он взглянул на свои руки и честно признал: с домашним хозяйством у него — так себе, а с кулинарией — ещё хуже.

На самом деле, последние дни он просто «отбывал» обязанности: стирал и готовил как придётся. Но ведь он — учёный человек, а у учёных должен быть свой уклад жизни. Многие из них вообще не подходили к плите: ведь «благородный муж держится подальше от кухни» («Цзюньцзы юань пао чу»). Хотя, если подумать, действительно — разве прилично мужчине целыми днями крутиться у плиты?

К тому же в доме теперь жила девочка. Пока она маленькая — ладно, но что будет, когда подрастёт?

Как ей расти среди трёх мужчин? Кто объяснит ей всё, что касается женского здоровья и взросления?

Ведь все трое — мужчины!

Увидев сегодня Люй Цуйхуа, Вэнь Жунь вдруг подумал: а что, если нанять её в качестве няни или домработницы?

Им в доме действительно не хватало женских рук. Правда, спешить не стоит — он понаблюдает за ней. Если окажется трудолюбивой, доброй и с хорошим характером, можно будет взять её на работу: стирать, убирать, готовить.

Приняв такое решение, Вэнь Жунь заглянул в свои сбережения. Подумал: если обеспечивать ей еду и жильё, то годового жалованья в одну «гуань цянь» («связку монет») должно хватить.

По официальному курсу, одна «гуань» — это тысяча медяков, то есть один лян серебра.

Одежда и ткани у него тоже были — можно будет шить самим, иголки с нитками найдутся.

Утром дети проснулись, умылись, переоделись и, аккуратно причесавшись, сели за маленький столик во дворе. Вэнь Жунь положил каждому по два яйца:

— Ешьте! Яйца сейчас не хранятся долго.

— Гофу, скоро уборка урожая, — задумчиво сказал второй брат, Ван Цзюэ. — Наши поля мы сдали в аренду семье Ян, так что сами урожай не соберём. Как же быть с зерном? Покупать?

— Купим, — кивнул Вэнь Жунь, очищая яйцо для младшей сестрёнки, Ван Мэй. — Купим уже после уборки — тогда зерно будет дешевле.

У нас и домашней птицы много. А ещё можно будет купить немного рисовых отрубей — зимой кормить их. Вижу, курятник вы построили неплохо. Если утеплить его как следует, куры и зимой будут нестись.

— Зимой куры, утки и гуси не несутся! — удивился третий брат, Ван Цзинь.

— Говорю — будут, значит, будут! — засмеялся Вэнь Жунь. — Вы только ешьте яйца.

— Гофу, зимой яйца очень дорогие, — вмешался старший брат. — Может, лучше продавать их?

Мы же и так всё едим за твой счёт, пьём за твой счёт, да ещё и учимся у тебя...

В доме, кроме дома и земли, ничего нет.

— Не продадим, — твёрдо сказал Вэнь Жунь, глядя на троих худеньких, бледных детей. Ему было их очень жаль.

Когда они только приехали весной, были такие тощие, что головы казались огромными на тоненьких тельцах — как ростки сои.

— Мы уже живём очень хорошо, — тихо сказал один из мальчиков. С тех пор как появился гофу, троим детям не пришлось больше терпеть лишений: они соблюдали чистоту, всегда были сыты, одеты по погоде и хорошо высыпались. За всё это время ни один из них даже не чихнул.

— Всё ещё недостаточно хорошо, — улыбнулся Вэнь Жунь. — Вы сейчас в самом возрасте роста! Нельзя экономить на еде и питье — иначе вырастаете низкорослыми. «Полувзрослый парень разорит отца», — говорят в народе. Но ваш гофу — суйцай, он справится с вашим содержанием, не нужно вам слишком утруждаться.

На самом деле дети и так ежедневно убирали весь дом — внутри и снаружи. Почти всю домашнюю работу они взяли на себя, кроме двух дел: готовки и стирки... Этого они просто не умели.

Эти обязанности лежали на Вэнь Жуне, хотя тётушка Ян частенько приходила помочь.

Сегодня, когда дети пришли на учёбу, настроение в деревне было подавленным. Ведь в Ляньхуаао всего несколько дворов — стоит что-то случиться в одной семье, как через пару часов об этом знают все.

Так и весть о возвращении Люй Цуйхуа мгновенно разлетелась по деревне. Один бездельник из дальнего конца деревни тут же начал хвастаться перед всеми:

— Если бы Цуйхуа вышла за меня, её бы никогда не выгнали! Уж я бы так не поступил!

Это так разозлило старосту, что он избил этого нахала почти до смерти.

А тётушка Ян тем временем выкупала сестру, надела на неё свою чистую, хоть и поношенную, одежду — но зато выстиранную до белизны.

Вэнь Жунь не знал, как обстоят дела у Люй Цуйхуа, но заметил, что дядя Ян целый день прятался у него. Даже обедали вместе — правда, готовил сам дядя Ян.

Еда была простой: чеснок с отбитыми огурцами, лепёшки с зелёным луком и яичный суп.

Все — и взрослые, и дети — ели за одним столом. Только после ужина дядя Ян с ребяташками вернулись домой.

На следующий день Вэнь Жунь увидел Люй Цуйхуа собственными глазами — тётушка Цуйхуа сама пришла к нему и принесла подарок.

<http://bllate.org/book/15642/1398031>